Орлы! Летят орлы! (Гермиона).

Тьфу! Ну и гадость я сварила! Глядя на свой бокал, в котором только что растворился волос с головы Лизы Турпин, я с трудом удерживалась от того, чтобы выплеснуть это гнусное варево. И только тот факт, что я согласилась с решением покровительствовать Луне, и косвенно несу ответственность за это решение, удерживал меня от такого шага.

Мы сдвинули бокалы. В глазах Гарри я заметила отблеск пламени Удуна. Он явно корректировал восприятие, как показывал нам всем недавно. Хотелось бы и мне сделать что-то подобное, но до верши изменчивости, доступных демону из свиты Меняющего пути, мне пока что… Слова «как пешком до Китая» и в малой степени не отражают действительности. Все, что мне до сих пор удавалось, это сдвинуть восприятие, ощущая кисло-сладкий вкус как сладко-кислый. Конечно, Морион сказал, что это уже хорошо, и что способность сделать первый шаг говорит о том, что когда-нибудь я справлюсь и с более сложными заданиями, нужно только тренироваться… Но вот для того, чтобы воспринять эту бурду как что-то хотя бы приемлемое — моих достижений явно недостаточно.

Хотя… Я на секунду внешнего мира погружаюсь в мир внутренний. Это сразу дает мне паузу, необходимую для обдумывания задачи и ее решения. И решение почти тут же находится. Я-Ученая подмигивает Мне-Авантюристке, и они в четыре руки выпихивают на поверхность Рабыню. Благо, от ее ощущений все Я уже научились отстраиваться, а ее память потом нетрудно и подкорректировать, не впуская ее в основные массивы.

Глоток… Ощущения организма, насильственно изменяемого зельем — непередаваемы. Даже преобразование каштановых волос в темно-каштановые уже отдается привкусом странности на губах. А уж более серьезные перемены…

Но вот волна изменений откатывается, и я могу почувствовать себя такой, какая я теперь есть. Я сейчас примерно на ладонь выше себя-реальной, волосы на два тона темнее и прямые, на руках — идеально ухоженные ногти…

Настоящие Лиза Турпин и Сэнди Фоссет смотрят на нас с ужасом. Подозреваю, что память им по окончании этой авантюры буду корректировать я сама «в качестве учебного задания». А вот где Стефан Корнфут, которого изображает Гарри, и почему наш предводитель уверен, что афера не вскроется его появлением в самый неподходящий момент — только Черный камень иного мира и знает. По крайней мере с нами он этим знанием не поделился.

— Обливиэйт!

Я немного удивилась, когда Гарри использовал именно это заклятье. Конечно, как и любое заклятье в исполнении Мориона, оно далеко от классических канонов… Но ведь можно было и не вторгаться так грубо в столь тонкую область, как память, а просто аккуратно внести коррекцию…

Я вопросительно посмотрела на Мори, а он, вместо ответа, подвесил над уже не рыжей головенкой только мне видимую иллюзию стрелки концом вниз. Я с трудом удержалась от того, чтобы схватиться за голову. И в самом деле… С чего это я решила, что Джинни можно доверять настолько, чтобы демонстрировать ей «необычные» познания и навыки? Для Аналитика такая ошибка — непростительна!

От Гарри приходит теплая волна поддержки. «С кем не бывает. Не ошибается тот, кто не делает ничего… да и это может быть ошибкой. Ты — лучший из доступных на данный момент Аналитиков». Все эти смыслы наслаиваются и пересекаются так, что мне приходится

задействовать большую часть изученных мной приемов анализа, чтобы разобраться в этой, почти не имеющей рациональной составляющей, мешанине эмоций. А когда я все-таки разобралась, то выяснилось, что мы уже идем по коридору Хогвартса ко входу в башню Рейвенкло.

Только теперь я поняла, насколько тело влияет на сознание. Проходя по знакомым коридорам, я видела другие, не виденные ранее цвета, слышала не слышанные ранее звуки, ощущала другие, не те, что раньше запахи. Все это порождало отличные от прежних, эмоции, и вызывало не такие как раньше, мысли.

Чтобы разобраться в этом, я постаралась отключиться от входящего потока информации, сузив входящие каналы до необходимого минимума. А вернувшись к реальности, поняла, что меня ведет за руку Сэнди Фоссет. Я немного пожалела, что Лиза как-то не удосужилась обратить внимания на Стефана, ведь будь они парочкой — меня бы вел Гарри. Но чего нет — того нет. И вообще, несмотря на разнообразные слухи, ходящие по Хогвартсу, среди наших сверстников — немного парочек. Я с Гарри, Драко с Дафной... и, пожалуй, все. Значит ли это, что мы взрослеем быстрее остальных? Пока не знаю, но это — достойная тема для размышления. Пожалуй, стоит озадачить этим Ученую.

К тому времени мы уже дошли до известной всей школе дверью с головой орла. Посмотрев на приближающихся школьников, голова раскрыла клюв и произнесла:

— В чем высший смысл радиальной симметрии вектора магистатум в пси-поле инкуб-преобразования?

Мы остановились. Я силилась понять суть вопроса... Кажется, что-то такое мне уже встречалось в прочитанном... Кажется... вот-вот... сейчас я... я обязательно соображу...

Сэнди, которая Джинни, и вовсе смотрела на проклятую голову с таким видом, как будто вот-вот расплачется. Гарри же с уверенной улыбкой положил руку на орлиную голову и сказал:

— Сорок два.

И прежде, чем я смогла сообразить, при чем тут «сорок два», голова посмотрела на Гарри с уважением, и дверь открылась, пропуская нас в гостиную Рейвенкло.

На пороге гостиной я задержалась, осматривая помещение. Светло-кремовые станы, синяя обивка потолка, яркое, но не режущее глаз освещение... все это создавало удобную атмосферу для чтения и прочих учебных занятий, которой с удовольствием пользовались многие ученики Дома Ровены Рейвенкло. Но при этом, я обратила внимание, что занимаются ребята по одному или небольшими группами. Того единства, которое пытались создать в гостиной Гриффиндора те же Сороритас, здесь — и близко не было. Наверное, это было удобно для занятий... и очень облегчало нам задачу проникновения: Падме успела выяснить, что нет никого, с кем бы эта троица общалась бы больше, чем с учащимися других факультетов, так что задача распознать обман была сильно затруднена, В любом другом Доме нам пришлось бы труднее. Гриффиндор надежно соединяли в единое целое воспоминания о десятках безбашенных проделок, о которых их участники отнюдь не торопились рассказывать за пределами Дома. Хаффлпафф... для барсуков дружба была образом жизни, уж они-то знали друг о друге заведомо больше, чем мог бы узнать кто-то извне. Внимательнее, чем барсуки за своими товарищами наблюдали разве что ученики Дома Слизерина. Уж змеи-то именно по своей склонности к интригам отслеживали как бы не каждое движение друг друга, ибо «нет постоянных друзей, есть постоянные интересы», и пропустить момент превращения друга во врага — если не

самоубийственно, то, по крайней мере — ведет к крупным неприятностям и потерям. Проникать таким вот образом в гостиную Дома Слизерина можно только в том случае, если ты твердо уверен в своих ментальных навыках, и способности считать ожидания собеседника прямо с его сознания, оставаясь при этом незамеченным. Хотя… Именно со слизеринцев сдалось бы не показать того, что отследили проникновение шпиона, развесив на ушах проникшего самой что ни на есть качественной лапши, выращенной на развесистых клюквенных деревьях. Или же рассказать ему удобную правду — в зависимости от того, что сочтут более выгодным.

Между тем, покуда я размышляла об особенностях факультетского шпионажа, в гостиную ввалились Голдстейн, Бут и Корнер. Они весело и громко обсуждали, как украли у Лунатички ее перья, и как теперь намерены повеселиться, глядя на то, как она будет записывать лекции.

«Стефен» подошел к веселящимся воронятам, и спросил у них:

— А вы не боитесь, что она пожалуется Поттеру? Вроде Лавгуд неплохо общается и Грейнджер и с Уизли…

— Да ладно тебе! — Махнул рукой Бут. — Она никогда не жалуется. В первый раз что ли? Тут половина факультета что-нибудь у нее да утащила. Лунатичка, что возьмешь?

На этих словах я ухватила «Стефена» за руку и буквально силой вытащила из гостиной, поскольку по ней начала разливаться отчетливая жажда крови.

http://tl.rulate.ru/book/69516/1849794